

31 ГЛАВА

Сегодня у ДуГу Рена с собой больше охраны, так же, как и у другого хорошо одетого Молодого Мастера. Я машу им всем.

- Привет. Можем мы просто...не ссориться? Я просто наслаждался новообретенным прозрением.

За спрос не бьют.

- Тащите сюда этого крестьянина!

От пронзительных криков Рена его охрана направляется к вагону. Я подскакиваю, указывая Сумиле оставаться в вагоне. Охрана входит вместе с телохранителями, их оружие вынуто.

- Стоять. Беспорядки не разрешаются на охранном пункте. Со всеми нарушителями будут обращаться резко.

Большой крепкий парень в чёрно-красной броне из охраны города настойчиво кричит. Другие охранники указывают оружием на всех нас.

ДуГу Рен указывает на меня и кричит.

- Ты смеешь покидать контрольный пункт?

Я смеюсь над его вызовом. Не могу ничего с этим поделать. Это абсурд.

- Конечно нет. У вас около 10 охранников. С чего бы я посмел?

Что за идиот.

Другой молодой мастер смотрит на меня.

- Это тот, кто напал на тебя?

Когда Рен подтвердил это, он подошёл ко мне, изучая. Он высокий, хорошо сложенный молодой мужчина, возможно 20-22 лет. Его волосы аккуратно уложены в длинный хвост. Его ногти покрыты лаком, а к ним присоединены острые наконечники. По-моему, это выглядит глупо. Зачем мужчине накрашенные ногти?

- Тощему, бедно одетому сумасшедшему с жёлтыми глазами удалось нанести тебе поражение? Он, без сомнений, из низших слоёв. Это позор, маленький Рен. Ты опозорил всю семью.

Он по-девчачьи всхлипывает. Бедно одет? Окей, я не одет в свою лучшую выходную одежду, но я занимался ручным трудом. У него милое мальчишечье лицо, идеальное для удара.

Нет, нет. Успокойся. Никаких ударов. Обратимся к дипломатии. Я складываю руки.

- Вчера мы оба были неправы, Молодой Мастер Рен. Примите мои глубочайшие извинения за то, что ударил вас. Как насчёт того, чтобы оставить всё, как есть, и оставить прошлое в прошлом.

- Ты, наглый ребёнок, я сниму с тебя кожу! Как ты смеешь учить меня.

У Рена вот-вот пойдёт пена изо рта, его лицо покраснело от криков. Хотя ближе он не подойдёт, оставаясь на приличном расстоянии позади своей охраны и брата. Трус.

Ты никто, всего лишь безымянный негодяй. Я благородный сын семьи ДуГу. Брат, я хочу, чтобы его избили и пытали.

Полагаю, что это была критическая неудача в дипломатии.

Сумила выходит из вагона, и Хусолт тоже возвращается, стоя позади меня. Никто из них не разговаривает, но Хусолт хлопывает меня по спине и мягко говорит.

- Нет нужды беспокоиться, парень.

Я рассказал им всё о моём столкновении с Реном, но никто из них не казался обеспокоенным. Ну, охрана должна держать нас в безопасности, а когда мы перейдём мост, до виллы останется недалеко. Всё должно быть хорошо.

Брат Рена достаёт жетон из дерева и нефрита, светя им Охране Города.

- Действуя в соответствии со своими полномочиями как Уоррент-Офицер Имперской Армии, я, ДуГу Анг, приказываю всей городской охране отойти, пока мои люди разбираются с этими преступниками. Соппротивление приведёт к военному столкновению.

Он поворачивается обратно к своей охране и приказывает.

- Покалечьте мужчин. Принесите мне эту девушку, не причинив ей вреда. С ней я повеселюсь.

Крепкий охранник в красном смотрит на нас, извиняясь, перед тем как отступить назад вместе со своими друзьями. Какого чёрта происходит? Он размахивает какой-то вырезкой, и нам конец?

ДуГу Рен начинает хихикать.

- Искалечьте его.

Охрана вынимает оружие, угрожая. Моя рука на Мире, готовая к сражению. Мне нужно защитить Хусолта и Сумилу. Я смотрю на приближающуюся охрану. Дерьмо. Что делать?

Хусолт выходит вперёд, в его руках железяка, он размахивает ей слева вправо. Он грациозно двигается к огромному мужчине, каждый удар сносит несколько охранников, ломая конечности и позвоночники с лёгкостью, пока он продвигается через них. Хруст костей и крики боли наполняют воздух, Хусолт безжалостен – ураган стали и смерти. Несколько биений сердца спустя несколько охранников мертвы, остальные ранены, они либо уползают, либо лежат без сознания.

Анг заметно бледнеет, он стоит спокойно, бесконтрольно дрожа. Хусолт берёт его за лацканы, поднимая, как мешок с картошкой.

- Та девушка.

Хусолт ядовито выплёвывает.

- Моя дочь.

Поднимая Анга выше головы одной рукой, Хусолт бросает его на землю. Громкий звук раздаётся эхом по контрольному пункту, голова Анга разрывается, как перезрелая дыня, мозги разбрызгиваются вокруг, окрашивая серый камень в малиновый цвет.

Заметка: не выводить из себя Хусолта, Папочку-Психа. Бесполезно стоя, даже не доставая меч, я дрожу, напуганный картиной, свидетелем которой я только что стал. Лишь его ауры кровожадности и злости достаточно, чтобы парализовать меня от страха, а она даже не направлена на меня.

Хусолт – даже не воин по профессии. Он кузнец. Все деревенские жители такие сильные? Я так чертовски слаб? Я имею ввиду, что Сумила физически сильнее меня, и у неё есть духовное оружие. Могу ли я наносить ей удары в битве? Смотря на окровавленную сцену передо мной, захочу ли я вообще? Если она когда-нибудь бросит мне вызов, я с таким же успехом могу лечь и позволить ей бить меня. Это будет более мирно, чем то, что только что сделал Хусолт.

Он стоит здесь, покрытый внутренностями, даже не дыша тяжело, злясь на зевак. Ярость

закипает в нём, бомба, готовая взорваться. Городская охрана не двигалась, возможно от ужаса. Разворачиваясь, Хусолт натягивает футболку и вытаскивает своё писание, которое использовал весь день, пачкает его кровью и протягивает городской охране. После долгой паузы большой, который говорил раньше, осторожно проходит вперёд, избегая нескольких поломанных и избитых тел, берёт его в обе руки, не в состоянии посмотреть Хусолту в лицо. Он быстро бросает на него взгляд, едва читая его широко раскрытыми глазами, его колени трясутся. Он делает поклон на целые 90 градусов, держа кровавое писание перед собой. Хусолт спокойно принимает его, кладёт обратно в рубашку и отправляется в вагон. Я почти уверен, что случилось бы то же самое, если бы Хусолт дал ему кусок дерьма. Ну, он бы не держал кусок дерьма в своей рубашке, но если бы держал, я бы точно не был тем, кто бы что-то сказал ему об этом.

Дугу Рен смотрит на эту сцену, широко раскрыв глаза в ужасе. Он единственный выживший из всей группы, и то лишь потому, что находился дальше. Глубоко вдохнув, я заползаю обратно в вагон, мои ноги до сих пор слабы, я дрожу. Я надеюсь, что это не доставит проблем нашей группе. Если доставит, это будет моя вина. Почему городская охрана просто позволила нам уехать? Кажется, они не очень хорошо выполняют свою работу. Сумила безмолвно сидит, на её лице – гордая улыбка.

Вагон проезжает через пропускной пункт к мосту, в то время как кровавая сцена остаётся позади.

Проходят долгие минуты, прежде чем я начинаю говорить.

- Что теперь? Мы убежим, покинем город?

Смеясь, Хусолт отвечает.

- Нет, парень. Этот ублюдок злоупотреблял властью Уоррент-Офицера и угрожал нам насилием в городе Империи. Этот сержант-охранник доложит об этом своему начальству, а также о том, что мы законно себя защищали. Мы горожане в хорошем положении, поэтому не стоит беспокоиться. Я удивлён, что он так явно нарушил закон. Даже если бы мы не сопротивлялись, Магистрат бы узнал об этом и хорошо его наказал.

Как обычно он выглядит всё таким же, совершая обычную поездку за покупками.

Не может всё быть так просто. Настолько. Я выдавливаю из него больше информации.

- Что, если они платили сержанту? Он может сфальсифицировать свой доклад. Вы не боитесь возмездия от семьи Дугу?

- Городская Охрана верна Империи. Они дают клятву небесам подчиняться законам. Их нельзя подкупить. Что касается семьи Дугу.

Сумила улыбается мне, показывая зубы, выражая угрозу.

- Пусть попробуют.

Она держит в руках маленькое железное копье. Полагаю, это её духовное оружие. Она так же кровожадна, как и её отец. Где она держала это копье? И откуда вытащил всё Хусолт? Он был таким диким и беспощадным, настоящий бог смерти.

Я пересаживаюсь вперёд, чтобы поговорить с Хусолтом наедине, с трудом находя смелость.

- Как ты это делаешь?

Спрашиваю я тихо.

- Убиваешь, не колеблясь.

Мне нужно знать.

- А после этого просто ведёшь себя..., как обычно?

В этот раз Хусолт не улыбается и не смеётся. Он просто грустно смотрит на меня.

- Ты просто делаешь это. Ты хороший парень, но слишком много думаешь. Нужно чётко разделять тех, кого ты любишь, и всех остальных. Любой, кто угрожает тебе или твоему, умирает. Вот так просто, парень. Вот так просто.

Он делает паузу и смотрит в сторону.

- С практикой это становится легче.

Мне придётся выживать при таком раскладе ума. Я опускаю взгляд на свой меч, понимая, что не совсем понял свою церемонию. А раньше я чувствовал себя так самодовольно. Я идиот.

То, какую определённую и нацеленность показывал Хусолт, пока я стоял там с Миром в ножне, показывает, сколько мне ещё предстоит пройти. Я не чувствую никаких угрызений совести от этих убийств. Им уже было приказано искалечить нас и ещё хуже обойтись с Сумилой, но даже при этом я всё ещё колебался, пытаюсь придумать возможное мирное решение. Моё новообретённое разрешение драться блекнет в сравнении с таким складом ума. Жестокие реальности этого мира снова наносят по мне удар. Все обесценивают жизнь, потому что мы окружены смертью. Никакие жизни не представляют ценности, кроме жизней тех, кто тебе дорог.

Я погружаюсь глубоко в свои мысли. Жить и умереть от меча. Или просто умереть. Кажется, таков мой выбор. Я продолжаю говорить себе, что убивать для меня – это нормально, что я могу сделать то, что нужно, но не обманываю ли я себя? Каждый раз, когда я сталкиваюсь со смертью, происходит кризис. Я думаю об умерших. У Зеленоглазых была семья? У Молодого Бандита была возлюбленная? Та охрана, были ли у них семьи, дети? Как мне остановиться и просто игнорировать этот маленький надоедливый голос?

Я смотрю на Сумилу, которая смотрит на меня в ответ терпеливо и без осуждения, спокойная и не встревоженная. Как она это делает? Кажется, что смерть её вообще не беспокоит. Она почти не моргала, когда её отец убивал людей на её глазах, даже улыбаясь этому.

На меня снисходит озарение.

Для них это не убийство. Это просто...обычное дело. Кто-то тебе угрожает, ты его убиваешь. Причина и Следствие. Так просто. Никакой морали, просто сильные против слабых. Желчь во мне начинает подниматься, и я сглатываю её, горько и болезненно. Сумила даёт мне воды, и я пью. Алкоголь был бы лучше. Она похлопывает меня по плечу и добро улыбается, усаживаясь рядом со мной.

- Я знаю, что ты бы сражался так же хорошо, как Папа. Ты колебался, но ты был готов сражаться, чтобы защитить нас. Папа просто действовал быстрее. Не волнуйся об этом. Я знаю твою ценность.

Она неправильно понимает причину того, почему я чувствую себя плохо. Хотя эта мысль тоже считается.

Теперь я тоже могу спросить.

- Насколько хорошо ты сражаешься?

Мой вопрос вызывает удивлённый взгляд и небольшой румянец.

- Мама говорит, что этого достаточно для того, чтобы «сдать экзамен».

Я посмеиваюсь. Не думаю, что Аканай умеет хорошо хвалить. Лучшее, что я от неё слышал – это «едва ли достаточно для того, чтобы сдать экзамен». И это она говорила о моей сильнейшей стороне – демонстрации Форм. Судя по её ответу, могу предположить, что Сумила гораздо сильнее, чем я, оцениваемый как «абсолютно жалкий». Я был горд за себя. Я не силен. Я не решителен. Я лишь мечтатель, живущий в мире, который не укладывается в рамки моих фантазий.

Мне нужно подумать об этом, но лишь после того, как очищу своё сознание. Время сменить тему.

- Так тот костюм...на который ты смотрела. Смотри на него, ты думала о ком-то, не так ли? Кто твой возлюбленный в деревне?

Я улыбаюсь. Настроение поднимается.

Она дуется и сильно пихает меня локтем. Полагаю, мы все ещё не настолько сдружились.

Голос Хусолта, ледяной и жёсткий, задаёт нам вопрос.

- Какой костюм?

После того, как мы вернулись и рассказали Аканай о том, что случилось, она приказала, чтобы всех жителей деревни сопровождали стражи и кадеты. Я решаю немного потренироваться во дворе, чтобы отвлечься и оставаться в безопасности. Прошло много времени с тех пор, как у меня было время, чтобы пройти по Формам. Концентрируюсь на своём духовном образе, я стараюсь подражать действиям Аканай, плавным и грациозным время от времени, но в то же время резким и жёстким по отношению к другим. Это комбинация нескольких различных форм. Форма тигра «Преследование Дракона» в форму быка «Поднятие Секвойи». Божественная форма «Висячие ветви» в Змеиную форму «Стрельба из Лука». Всё это грубо и неоттреновано даже после нескольких попыток. Нехорошо. Это требует от меня слишком много сфокусированности, что не оставляет возможности достичь Просвещения. Я останавливаюсь, тяжело дыша, сажусь и медитирую.

Дело не только в Аканай. Хусолт тоже великолепен. Я вижу Формы в его борьбе. Это наводит ужас.

Я не могу продемонстрировать все формы. Они слишком абстрактные и различающиеся даже во время коротких демонстраций. Просьбы не помогут, а скорее даже ещё больше смутят меня. Мне просто нужно придумать свои собственные комбинации форм. Я не могу собрать всё вместе. Мне просто нужно двигаться, позволить своему телу делать то, что должно быть сделано. Достаточно отдыха. Я встаю в позу и начинаю снова Выполнять Формы. Я не просто повторяю движения, как делаю каждое утро, а представляю себя снова сражающимся с бандитами. В этот раз я просто позволяю своему телу совершать движения, реагируя на воображаемых врагов, случайные формы вылетают во время различных атак. Я двигаюсь напротив тени бандитов, иногда убивая их, почти умирая от них. Я снова их поднимаю лишь для того, чтобы сбить их или для того, чтобы они сбили меня различными способами. Они идут на меня по одному или все вместе. Я снова борюсь с ними. И снова. Я убиваю и умираю часами, я убиваю и умираю снова.

Я чувствую что-то на своём лице и отпрыгиваю, ища своё оружие. Форма Оленя, Пирс-Горизонт останавливается на полпути. Передо мной стоит Мей Лин, улыбаясь. В моих руках – пусто. Отпрыгивая назад, я встряхиваю руки, состраиваю гримасу и два раза легко похлопываю себя по щеке. Я потерялся в тренировке, забыл, что все враги – выдуманные. К счастью, я не на самом деле держал свой меч, иначе я мог бы реально причинить вред Мей Лин.

- Ты такой глупый, Рейни. Сейчас почти время ужина. Ты пропустил обед, но ты не можешь пропустить ужин. Иди прими ванну, я не хочу сидеть рядом с тобой настолько потным.

Она невинно мне улыбается, не осознавая, что я только что напал на неё. Я мягко сжимаю её щечки. Это опасно, теперь мне нужно практиковаться в каком-нибудь более безопасном месте.

Извиняясь про себя, я похлопываю её по голове, а затем иду в ванные комнаты. Ванна готова для меня, заранее заказанная Мей Лин. Она слишком хорошо ко мне относится, очаровательная маленькая сестрёнка. Позади меня стоит слуга, который стрижёт мои волосы, оставляя их более длинными, чем мне бы хотелось, но всё же они выглядят хорошо. Я мог бы привыкнуть к такому уходу. Она оставляет меня одного, чтобы я помылся. Я немного надеялся, что она останется, намекая на что-нибудь, но никакого риска. Я отмокаю в ванне, наслаждаясь теплом.

Я не достиг ничего нового и полезного во время тренировки, но всё же она была в каком-то смысле продуктивной. Идеи были в основном такими, которые не сработают в реальном бое, но уничтожать то, что не работает, тоже полезно. Бороться с тенью – это хорошая практика, но мне нужен более весомый образ оппонента, кто-то более приближенный к моему уровню. Если взять Аканай, Баатара или Аслансет, я проиграю слишком быстро. Они слишком сильны. Интересно, сколько жителей деревни являются такими же сильными, как они? С другой стороны, бандиты были слишком слабыми. Если бы я сражался с ними один на один, было бы слишком легко, всем им досталась бы мгновенная смерть. Мне нужен хороший спарринг-партнёр. Возможно, Сумила, если она захочет. Если конечно она тоже не слишком сильна, это будет позор. В деревне оба пола равны, но даже при этом я не думаю, что моя гордость вынесет поражение от девочки-подростка.

Меня ждёт новая одежда: красивый синий жакет с высоким воротником, с, как я думаю, белыми жемчужными запонками и белыми меховыми манжетами. И Никаких тупых свободных рукавов. На нём вышита живописная картина: три птицы в пруду и цветущее сливовое дерево. Штаны подходят к пиджаку и так же украшены. Слуга помогает мне одеться, укутывая меня в белый саш, а милая служанка, остригая мне волосы, расчёсывает их. Она даже надела на меня до смешного маленькую шляпу, она, скорее, является украшением для волос. Как маленький тканевой пучок на моей голове. Мне нравится.

- Почему мне нужно одеваться так причудливо?

Мне в какой-то степени это нравится, если быть честным. Не каждый день меня одевают такие очаровательные леди, к тому же в такую хорошую одежду. Это заставляет меня чувствовать себя...привлекательным. Я никогда не признаю этого вслух.

- Молодой Мастер будет ужинать сегодня вечером со своим Почитаемым Магистратом, Тонгом Да Хаем в его Дворце.

Мой стилист улыбается мне пухлыми красными губами. Интересно, каковы они на вкус. Чёрт. Вчерашнее веселье не замедлило мои сексуальные желания вообще. Я улыбаюсь ей в ответ.

Как мне соблазнить женщину? Особенно слугу, я не хочу, чтобы она подумала, что я оказываю на неё давление. Я молчу из-за собственного нехватка ума. Скорее всего, в любом случае она не захочет ничего со мной делать. Это просто её работа. Когда они одели меня, я выхожу, в мой Саш спрятан меч. Я одет впечатляюще, но всё же комфортно, мне легко двигаться. В этом я мог бы драться, если бы мне пришлось. Мне нужно больше такой одежды. Модной. Для моей бедно одетой задницы.

Мей Лин ждёт меня в холле. На ней – похожая маленькая штучка в волосах, находящаяся среди множества заколок и клипсов с маленькими колокольчиками, что не даёт её ушам двигаться. Когда она делает реверанс, раздаётся звон. На ней – короткое свободное голубое платье, под ним – второй более длинный слой с белой меховой каймой, подходящей к моему наряду. В него вшит притягивающий глаз рисунок, повторяющиеся в нескольких местах на платье, а на её плечах – белый шёлковый шарф. Он украшен драгоценностями, а по всей его длине вшита цепь, он кажется просто неимоверно длинным. Если она опустит руки, шарф коснётся пола. Полагаю, это модно.

- Ты выглядишь восхитительно, маленькая Мей Лин.

Я делаю поклон в ответ, улыбаясь. Она рушит это, показывая мне язык, и опирается на мою руку, когда мы выходим во двор.

Тадук, Хусолт, Аканай и Сумила ждут нас. Все мы подходим друг к другу: синие и белые, но разных оттенков, узоров и форм. Сумила тоже выглядит удивительно, и я получаю ту же реакцию и лишаюсь держащей меня руки, когда я говорю ей об этом. Почему никто не может принять комплимент? Хусолт выглядит таким же свирепым и внушительным, к его качествам добавляется величественность, если не брать во внимание украшения на волосах. Аканай сногсшибательна, на ней нет более длинного внутреннего платья, она одета в короткое обтягивающее платье, её голая жемчужно-белая кожа выставлена напоказ, на её ногах – тканевые туфли с открытыми пальцами. Весь эффект немного рушится, когда видишь, что они оба полностью вооружены, Хусолт – своим оружием, Аканай – двойным гибридом. Кинжалы и мечи – на их ремнях, на их запястьях – наручники. Даже на украшениях на волосах Аканай висят маленькие кинжалы вместо колокольчиков. Сумила вооружена похоже: у неё – круглый металлический отполированный щит с узорами в дополнение к короткой стреле, она держит оба на верёвках, как сумочку, ей даже удаётся выглядеть, как леди.

Тадук хлопает меня по спине, в своём наряде, украшенном зайцами, он выглядит лихо.

- Ты выглядишь дорого, мой мальчик.

Он указывает слуге, который выходит вперёд, представляя мне мою длинную стрелу. Принимая оружие, я наклоняю голову, обращаясь к Тадуку.

- Вы тоже, Учитель. Почему мы так сильно вооружены? Мне сказали, что у нас будет ужин с отцом Фунга. Мы...приглашены?

Господи, я на это надеюсь.

Тадук смеётся.

- Конечно приглашены, мой мальчик, но не обращай к нему так за пределами этих стен. Любезности и всё такое. Мей Лин объяснит. Мы были приглашены на собрание с хорошей едой и хорошим вином. Также там может быть немного кровопролития. Не волнуйся,

Ты не должен быть в опасности, а если будешь, просто не умирай, и я излечу тебя немедленно.

Он хлопает меня по плечу, и моё сердце уходит в пятки. Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он поднимается в свою рикшу и уезжает. Рикша Хусолт и Аканаи следует за ним, Стражи идут рядом, полностью вооружённые.

Ужин и кровопролитие? Здесь ничего не делается мирно. Он говорит «Просто не умирай». Спасибо за совет. Я помогаю Сумиле Мей Лин забраться в последнюю рикшу и поднимаюсь сам. Надеюсь, по крайней мере мы поедим, прежде чем начнётся битва. Я умираю от голода. Не хотелось бы умирать на голодный желудок.

<http://tl.rulate.ru/book/591/24186>